

ВЪ РЕЙСЪ. ПЛАНЫ СТОКГОЛЬМСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ.

Июль месяц. Въ Екатерининской гавани для насъ даже жарко! Какъ легко привыкаетъ человекъ къ климату! При такой температуре где-нибудь въ Малороссии наверное все жаловались бы на холодъ, а здесь мы ходимъ въ самыхъ легкихъ костюмахъ.

Завтра «Андрей Первозванный» отправляется въ длинный рейсъ, недели на 2. Работа кипитъ во всю! Уголь и воду уже погрузили. Команда занята чисткой парохода: моютъ палубу, моютъ борта, моютъ даже мачты. Мы разделились на 2 партіи: одна приводитъ въ порядокъ судовую лабораторію, приготовляетъ реактивы, проверяетъ исправность приборовъ, а другая грузить посуду. То и дело отъ берега къ пароходу идетъ шлюпка, нагруженная сотнями банокъ, баночекъ и пробирокъ.

На следующий день внимательно осматриваемъ мы, все ли взято, не забыли ли чего. Но вотъ все на судне. Поднимаютъ шлюпки и трапъ... Мы все собрались на капитанскомъ мостике. Александръ Петровичъ, какъ всегда при съемке съ якоря, въ несколько торжественномъ настроеніе; Василій Николаевичъ съ боцманомъ — у якорной лебедки; рулевой уже стоитъ у штурвала.

— Катать якорь! — раздается команда.

— Есть! — отвечает Василий Николаевич.

Гремит якорная лебедка и звонит телеграфъ въ машинное отделение.

— Право на бортъ! — командуетъ Александръ Петровичъ рулевому.

— Есть, право на бортъ! — какъ эхо, отвечает рулевой.

Зашумель винтъ, и, слегка вздрагивая, «Андрей Первозванный» делаетъ красивый поворотъ. Быстро уплываютъ зданія Александровска, и постепенно скрываются за скалой постройки экспедиціи на Екатерининскомъ острове. Мы приближаемся къ выходу въ океанъ, катящій намъ навстречу свои широкія, отлогія волны.

Я уже обтерпелся и привыкъ къ постоянной качке: умеренное болтаніе на меня не действуетъ.

Все разбрелись по каютамъ, чтобы привести въ порядокъ вещи. Я на дежурстве у лабораторіи, или, какъ говоримъ мы теперь, — «на вахте». Черезъ каждые полчаса я забрасываю въ море парусиновое ведро на длинной веревке и, зачерпнувъ воды, измеряю ея температуру. Записавъ полученный результатъ въ записную книжку, я этой же водой наполняю банку и наклеиваю на нее этикетку съ указаніемъ судна, дня, и часа... Эти пробы воды поступятъ потомъ въ береговую химическую лабораторію, где определятъ количество содержащейся въ воде соли. Въ результате получится картина

распределенія температур и соленостей воды на поверхности всего района, пройденнаго въ теченіе этого рейса.

Скоро приходитъ въ лабораторію Николай Михайловичъ, а за нимъ и Александръ Петровичъ.

— Где будетъ первая станція, Николай Михайловичъ? — спрашиваете онъ.

— Какъ и всегда, передъ входомъ въ Мотовскій заливъ, — отвечает Николай Михайловичъ.

— А потомъ дальше — прямо на нордъ, съ остановками черезъ поль-градуса?

— Да, мы проделаемъ, если, конечно, позвольте погода, треугольникъ, намеченный Стокгольмской конференціей. Пойдемъ по меридіану Кольскаго залива до 75° с.ш., потомъ повернемъ на SW, къ Новой Земле, а оттуда обратно въ гавань. Остановки теперь точно нельзя определить: быть можетъ, полученные при работе результаты потребуютъ въ некоторыхъ местахъ и более частыхъ остановокъ.

— А какая это Стокгольмская конференція? — спросилъ я Николая Михайловича.

— Дело въ томъ, — отвечалъ онъ мне, — что въ настоящее время все страны заинтересованы научно-промысловыми изслѣдованіями. Конечно, результаты этихъ изслѣдованій окажутся гораздо более ценными, если явится

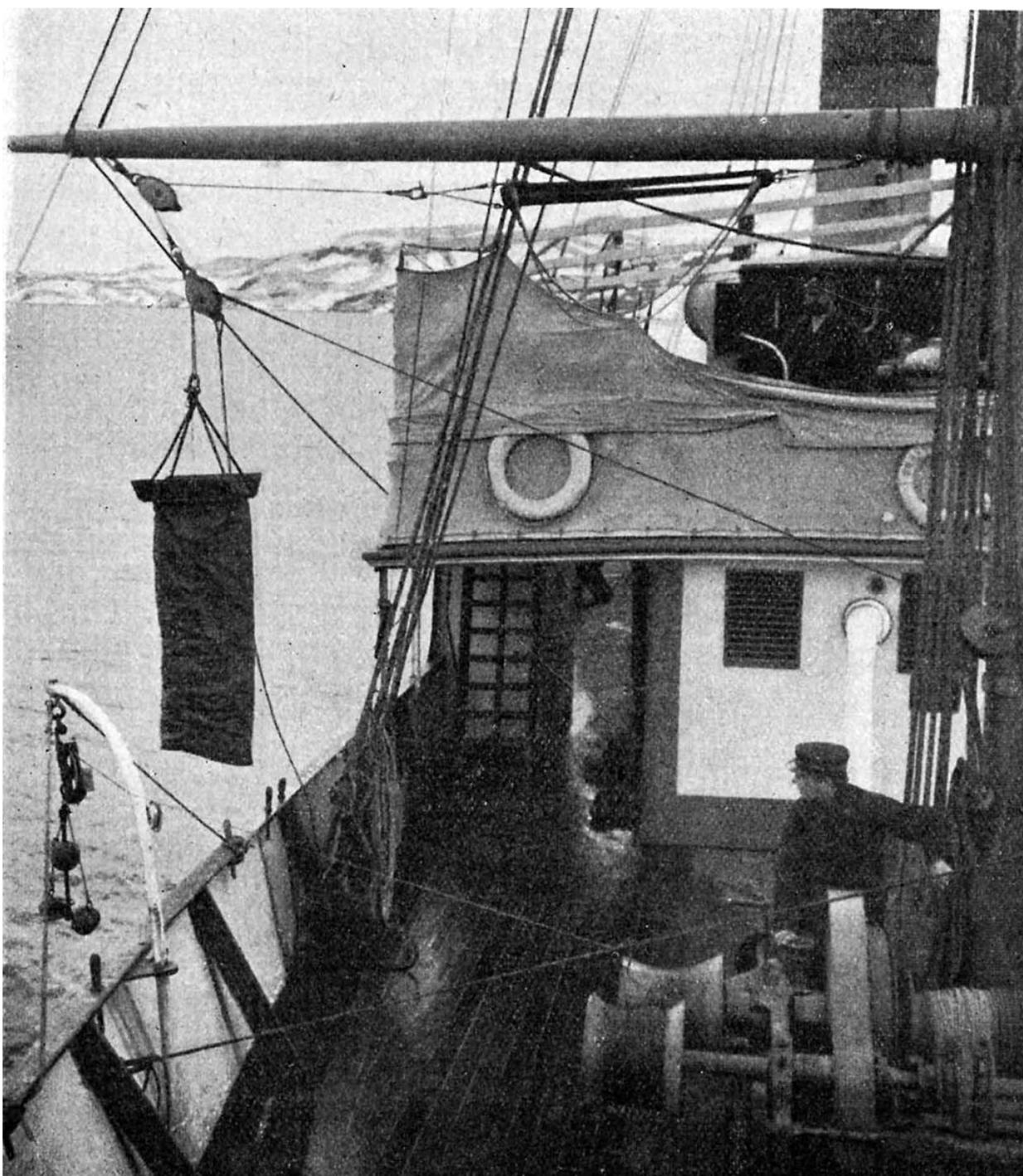
возможность сравнивать непосредственно изучаемыя воды съ другими, соседними.

Взять хотя бы жизнь трески... Треска несомненно передвигается и подходит къ нашимъ берегамъ изъ другихъ, соседнихъ морей. Мы тогда только проследимъ эти передвиженія, когда будемъ наши наблюденія сопоставлять съ наблюденіями у береговъ Норвегіи, Англіи, Даніи, где тоже ловятъ треску. Въ Стокгольме въ 1899 году состоялась международная конференція, на которой были представители Россіи съ Финляндіей, Англіей, Германіей, Швеціей, Норвегіей, Даніей и Бельгіей. По плану, намеченному этой конференціей, наша экспедиція должна несколько разъ въ годъ совершать тотъ рейсъ, который мы сегодня начали. Представьте себе, какъ хорошо мы будемъ знать (конечно, черезъ много летъ упорной работы) жизнь нашихъ северныхъ морей, если будемъ иметь возможность сравнивать наши результаты съ темъ, что делается въ моряхъ всехъ перечисленныхъ выше странъ!

Звонокъ въ машину и замедляемый ходъ парохода указывали на то, что мы пришли въ намеченный пунктъ.

— Какія работы будутъ на этой станціи? — спросилъ я Николая Михайловича.

— Возьмемъ серію температуръ, произведемъ ловъ оттертроллемъ и соберемъ планктонъ.

Передняя часть палубы «Андрея Первозванного». Слева видны готовые къ спуску: 1) Лоть съ храпами и счетчикъ и 2) драга, сеть которой покрыта защищающимъ ее парусиновымъ мешкомъ. Справа, внизу видна лебедка, при помощи которой производится спускъ и подъемъ снастей.

Какъ и всегда, прежде всего определили глубину и грунтъ. Эта работа на «Андрее Первозванномъ» производилась при помощи такого же лота съ храпами, какъ и на «Поморе», но какъ быстро и легко протекала она, благодаря паровой лебедке! Подъемъ лота отнималъ всего минуту, две! И при этомъ никто не уставалъ! Мне приходилось только следить за быстро двигавшимися стрелками счетчика, чтобы предупредить товарища, стоявшаго у лебедки, о томъ, что лоть близко, что пора замедлить или остановить подъемъ.

Работа съ лебедкой особенно нравилась нашему доктору, и онъ управлялъ ею какъ артистъ.

Глубина определена — 259 метровъ, грунтъ — иль.

При работахъ на «Андрее Первозванномъ», определяя температуры на различныхъ глубинахъ, брали также въ бутылки пробы воды для анализа на содержаніе соли. И вотъ предъ нами снова вопросъ, какъ добыть воду съ глубины, скажемъ, 250 метровъ? Много уже существуетъ приборовъ, позволяющихъ добыть воду съ любой глубины. У насъ для этого применялся «батометръ Петерсона».